

Она любила прямолинейность и никогда не боялась встречать трудности лицом к лицу. Но было очевидно, что давление, вызванное указом Закона, и начало чистки будут слишком масштабными, что могло привести к обратному эффекту.

Сюэ Кайчао покачал головой:

— Только так можно разрушить старое и создать новое. О прошлом говорить не будем, я не могу судить о поступках родителей, но факт остается фактом: авторитет Владетеля Жетона, как и власть императора, давно запятнан. Если оставить всё как есть, ничего хорошего не выйдет. Если уж действовать, то нельзя останавливаться на полпути, боясь, что всё выйдет из-под контроля. Иначе мы лишь устраним симптомы, а не причину, и в будущем снова наступит хаос. Борьба за власть и богатство на пути практики — это уже отклонение от истинного пути, которое не приведет к бессмертию или великому дао, а лишь превратит людей в подобие призраков. Если это продолжится, разве мир не превратится в обитель злых духов?

Грань между бессмертными и обычными людьми была непреодолимой, и их цели были совершенно разными. Хотя мирская жизнь прекрасна, она не была главной. Однако практикующие всё же живут среди людей, и богатство может ослепить их. Как только в их сердцах появляется жажда власти и богатства, их поступки становятся всё более низменными и отвратительными. Сейчас атмосфера уже испорчена, и если это продолжится, произойдут еще более ужасные вещи, и мир превратится в арену битв для практикующих.

Сюэ Кайчао стоял на пороге великого дао, и с детства все говорили, что он, возможно, станет настоящим богом. Хотя его практика еще не достигла совершенства, он уже видел суть человеческой природы.

Ли Пути, погруженная в мирские дела и запутавшаяся в своих чувствах, смотрела на вещи иначе и лишь вздохнула:

— Это... имеет смысл. Не волнуйся, когда ты подготовишь черновик, я вместе с тобой издам указ Закона. В конце концов, мы оба Владетели Жетонов, и наши позиции должны быть едины.

Она понимала серьезность ситуации и соглашалась, поддерживая его.

Сюэ Кайчао поблагодарил ее. Ли Пути добавила:

— Раз уж ты говоришь, что сначала встретишься с отцом, лучше сделать это поскорее, а затем вернуться в Токио. В Чанъане слишком много людей и слухов, и если ты задержишься, это может быть не лучшим решением.

Сюэ Кайчао согласился, даже не спрашивая почему. Из-за расположения Дворца Закона Лоцзин считался его территорией, а Чанъань — владением Ли Пути. Она прекрасно знала о скрытых течениях здесь, и ее слова не были пустыми.

Мысли о будущих потрясениях нависли над ними, и оба замолчали, наблюдая за Шу Цзюнем, который принес большой керамический кувшин с водой.

Юноша не знал, что их разговор затронул столь важные события, и просто сосредоточенно переложил все белые пионы с нефритового подноса в кувшин, а затем вопросительно посмотрел на сидящих, ожидая их оценки.

Букет белых пионов без единого листа, помещенный в широкий керамический кувшин, выглядел однообразно, громоздко и невыразительно. Композиция была хаотичной, и даже по

сравнению с букетом диких цветов, который он сделал ранее, этот выглядел хуже.

Эти белые пионы были редким сортом, называемым «Жемчужный облик».

Ли Пути усмехнулась, нарочито похвалив:

— Такой способ составления букета я вижу впервые.

Она посмотрела на Сюэ Кайчао, явно намереваясь подшутить над ним:

— Твой вкус... поистине уникален.

Сюэ Кайчао тоже посмотрел на Шу Цзюня, который не понимал, что происходит, и с легкой улыбкой сказал:

— В этом есть своя дикость и очарование.

Шу Цзюнь искренне составил букет как придется, хотя и любил цветы, но не знал, насколько они ценны. Услышав похвалу, он просто радостно стоял в стороне.

Ли Пути поднялась, чтобы уйти, не нуждаясь в дальнейших проводах, и вышла.

Сюэ Кайчао проводил ее, вернулся на свое место и подозвал Шу Цзюня, используя его как опору. Закрыв глаза, он вздохнул, показывая усталость. Шу Цзюнь сидел прямо, его радостное выражение постепенно исчезало, а в комнате воцарилась тишина, и свет медленно перемещался.

Аромат белых пионов наполнял комнату, и Сюэ Кайчао вдруг спросил:

— Ты когда-нибудь думал, каким будет твое духовное тело?

Шу Цзюнь действительно размышлял об этом. Ю Юй объясняла ему, что духовное тело тесно связано с хозяином, но сам хозяин не может его выбрать или изменить. Оно не обязательно должно быть настоящим животным. Например, ее рыбы Инь и Ян или лазурный цилинь Сюэ Кайчао.

Духовное тело не является настоящим существом, но это лучший боевой союзник, который понимает хозяина без слов. Поскольку оно формируется из духовной силы хозяина, оно иногда отражает те чувства и мысли, которые хозяин даже сам не осознает.

Шу Цзюнь вспомнил, что хотя лазурный цилинь обычно был ленивым и спокойным, он иногда проявлял к нему дружелюбие, и это не вызывало у него дискомфорта. Что касается чувств и эмоций, Сюэ Кайчао и его цилинь были наиболее явными в постели, что также совпадало.

Видимо, духовное тело действительно является частью хозяина.

Он очень хотел поскорее узнать, каким будет его духовное тело, но не у всех практикующих оно есть. Шу Цзюнь не знал, почему все были уверены, что у него оно будет, но раз уж его спросили, он ответил:

— Я не знаю, но было бы хорошо, если бы оно умело летать. Просто я не знаю, что могло бы быть похожим на меня.

Лазурный цилинь, конечно, не может быть у каждого. А его знания о животных были

ограничены. Впрочем, величественность была не главным, если бы оно оказалось полезным, это было бы замечательно.

Сюэ Кайчао посмотрел на него, словно пытаясь угадать, какое животное ему подошло бы, но ничего не сказал, лишь заметил:

— Не обязательно, чтобы оно было похоже на тебя. Духовное тело рождается из сердца и соответствует твоим качествам и характеру.

Даже если бы духовное тело выглядело непривлекательно, Шу Цзюнь не стал бы возражать, спокойно кивнув.

Однако Сюэ Кайчао не мог долго оставаться дома и не стал ждать, пока духовное тело Шу Цзюня проявится. Он отправился на гору Чжуннань.

Его отец, Сюэ Лу, жил в уединении у подножия горы Чжуннань.

Семья Сюэ всегда придерживалась принципов спокойствия и умеренности, избегая лишних волнений. Только предыдущий Владетель Жетона, будучи молодым, отличался упрямством и женился на бродячем заклинателе без связей — госпоже Дугу, что говорило о его страстной натуре. После ее смерти он потерял интерес к жизни и даже не захотел жить в семейном доме, полностью удалившись от мира.

Сюэ Кайчао оставили в резиденции, чтобы воспитать его как следующего Владетеля Жетона, поэтому отец и сын были почти незнакомы.

В обычной семье это могло бы привести к вражде, но эти двое относились друг к другу с холодным спокойствием, встречаясь лишь раз или два в год, и это не казалось им странным.

Сюэ Кайчао перенял философию семьи Сюэ и большую часть времени сохранял душевное равновесие. Он не испытывал ненависти к отцу и не придавал особого значения тому, что был оставлен. Ведь его никто не обижал, и он никогда не чувствовал себя одиноким. Эмоциональные потребности были для него почти незначимы. Без ожиданий не было и разочарований, поэтому его впечатление о далеком, но доброжелательном отце оставалось положительным.

Подножие горы Чжуннань было передано Сюэ Лу после его переезда, и из-за труднодоступной местности в радиусе ста ли не было ни одного дома. Сюэ Кайчао прибыл один, покрытый пылью дороги, верхом на лазурном цилине и вошел в магическую формацию. На земле его встретил одинокий мальчик.

Мальчик выглядел радостным, с красной точкой между бровей, предназначенной для отпугивания злых духов, и весело сказал:

— Старший брат!

Сюэ Лу обычно не брал учеников, ведь в таких семьях традиции передавались по крови. Однако этого мальчика он подобрал и взял в ученики, поэтому тот называл Сюэ Кайчао старшим братом.

Сюэ Кайчао кивнул, слез с цилиндра, и они вдвоем направились к хижине.

Хотя это место называлось «хижиной», на самом деле оно представляло собой огромную

магическую формацию и иллюзию. Внутри росли леса персиковых и грушевых деревьев, журчал ручей, и светило яркое солнце, а вдали виднелся дом, открытый всем ветрам.

На самом деле, для обычных людей здесь не было ни деревьев, ни ручья, ни дома, ни райского уголка.

Подойдя к хижине, мальчик громко крикнул:

— Учитель! Учитель, старший брат пришел!

Сюэ Лу никогда не ограничивал его, поэтому его естественная радостная натура осталась нетронутой, что соответствовало этой иллюзии, похожей на рай. Она была такой же хрупкой и вызывала легкую грусть.

Сюэ Кайчао остановился у ступенек, и изнутри раздался голос:

— Войди.

Только тогда он поднялся по каменным ступеням и вошел в хижину.

Без приглашения никто не мог ступить в этот дом.

<http://bllate.org/book/16142/1445440>